

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. Р-2722. – Оп. 1.
2. ГААО. – Ф. Р-2658. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 34, 39; – Д. 8. – Л. 20–23.
3. ГААО. – Ф. Р-2722. – Оп. 1.
4. ГААО. – Ф. Р-2722. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 13; – Д. 6. – Л. 7; – Д. 10. – Л. 16; – Д. 13. – Л. 6; – Д. 24. – Л. 12.
5. ГААО. – Ф. Р-2722. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 9; – Д. 17. – Л. 10; – Д. 24. – Л. 15.
6. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСДАО). – Ф. 325. – Оп. 5. – Д. 47.
7. ГАСДАО. – Ф. 325. – Оп. 5. – Д. 47.
8. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. Р-549. – Оп. 1.
9. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 19.
10. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 18; – Д. 22. – Л. 8.
11. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 64.
12. ГАСО. – Ф. Р-549. – Оп. 1. – Д. 22.
13. Говоров И. В. Государство и преступность в Советской России 1945–1953 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Говоров. – СПб., 2004.
14. Строгович М. С. Процессуальное положение и процессуальные функции защитника / М. С. Строгович. – М. : Юридическая литература, 1982.
15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – М., 1952. – С. 11.

**МОТИВАЦИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ХОДЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАЕМНЫХ КАМПАНИЙ
В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.**

**А.О. Тюрин
(Россия, Астрахань)**

В предлагаемой статье на основе архивного материала анализируется и описывается мотивация и формы поведения городского населения в ходе государственных заемных кампаний в конце 1920-х – 1930-е гг. Так же рассматривается отношение горожан к мероприятиям и политике государственной власти.

The article is based on the archive materials. It describes and gives the analysis of motivation and forms of the urban population behavior during the state borrowing campaigns at the end of 1920-eis – in the 1930-ies. The article also studies the attitude of the citizens towards the actions and the policy of the public authorities.

Ключевые слова: повседневность, власть, государственные займы, облигации, Нижне-волжский регион.

Key words: everyday life, authorities, state borrowings, loan stock, the Lower Volga region.

В конце 1920-х гг. в Советском Союзе началась осуществляться форсированная индустриализация промышленности. Государственная власть различными способами пыталась изыскать финансовые средства для реализации этого масштабного проекта. Финансирование индустриализации в основном осуществлялось за счет внутренних ресурсов.

Одним из источников стали многочисленные государственные займы у населения, при этом в долг у трудящихся государство брало деньги на длительный срок. Официально декларировалось, что кампании по реализации среди населения облигаций государственного займа должны были осуществляться добровольно.

Методика проведения подписной кампании выглядела следующим образом: на предприятия и в организации из сберегательных касс поступали инструкции о порядке размещения займа, бланки для его учета и оформления, авансовая сумма облигаций. Работники выстраивались в очередь и вписывали в так называемый подписной лист свои фамилии и сумму, на которую приобретались облигации. Потом подписные листы сдавали в бухгалтерию, где и занимались вычетом денег на облигации из зарплат с учетом десятимесячной рассрочки [11].

План подписки предусматривал наибольший охват количества трудящихся на предприятиях, а так же максимальный размер подписной суммы. Поэтому в 1930-х гг. практически каждый гражданин СССР хранил дома государственные облигации.

С конца 1920-х гг. количество государственных займов начало увеличиваться. Уже в 1928 г. были проведены государственный внутренний 11 %-й заем на сумму 300 млн руб. сроком на 10 лет, четвертый государственный 8 %-й внутренний заем на 400 млн руб. сроком на 15 лет. В 1929 г. было проведено еще несколько подписных кампаний [13].

Далее был провозглашен лозунг: «Пятилетку – в четыре года!», а вместе с этим началась очередная кампания по подписки трудящихся на государственный внутренний выигрышный заем в сумме 1 млрд 700 млн руб. Так же в 1930 г. был проведен еще один государственный внутренний 1%-й заем на сумму 3 млрд 750 млн руб., с замысловатым названием «Безоблигационный заем для помещения средств в сберегательных кассах» [13]. Смысл его заключался в том, чтобы накопительные средства население не хранило дома, а размещало их посредством этого займа в сберегательных кассах.

В 1931–1933 гг. продолжались осуществляться государственные подписные кампании [13]. Таким образом, подписные кампании проходили по несколько раз в год, и государственная власть активно использовала личные денежные средства граждан для осуществления индустриализации.

В первой половине 1930-х гг. в стране обострился социально-экономический кризис – фактически в стране разразился голод. Многочисленные подписные кампании негативно отражались на семейных бюджетах горожан, поэтому население отрицательно относилось к займам. Грузчик в Вольске в 1930 г. говорил: «У меня много уже этих облигаций, здесь подписывайся, дома тоже, вы только хлеб у нищего этими займами отнимаете». Недоумевал столяр: «Почему раньше, ни займов, ни кулаков не знали, а жили лучше» [2, Л. 447].

В Астрахани столяр завода им. Сталина возмущался: «Только и знают, что с рабочих дерут разные займы, а рабочим ничего не дают». С ним соглашался возчик: «Сколько не даем государству денег в займы, а лучшей жизни не видно, и все равнодохнем с голода» [7, Л. 35]. На заводе им. III Интернационала рабочие обсуждали очередной заем, и один котельщик высказался следующим образом: «Каждый месяц вычитают по 50–70 руб., совсем убили рабочих, дайте хоть немного передохнуть нам. Ведь целые пачки облигаций лежат, а куда их девать?» [6, л. 102].

С одной стороны, примеров негативных высказываний среди горожан по отношению к подписным кампаниям, которые фиксировали информаторы, было много. С другой стороны, планы по распространению облигаций, с трудом, но выполнялись (табл.).

Таблица

**Реализация займа «Второго года второй пятилетки» в 1934 г.
по основным судоремонтным предприятиям Астрахани [7, л. 35]**

Предприятие	Количество персонала	Фонд зарплаты, руб.	Количество подписчиков	Сумма подписки, руб.
Завод им. Ленина	987	116298	962	127320
им. X лет Октября	979	117000	898	124610
им. III Интернационала	960	128034	960	133700
им. Сталина	1770	2029690	1745	225395
им. Урицкого	273	43182	269	43620
им. К. Маркса	641	88207	641	90000

В связи с этим, нашим исследовательским интересом будет являться анализ мотивации и форм поведения горожан в ходе многочисленных подписных кампаний.

Заемные кампании сопровождалась шумными агитационными мероприятиями, и освещением в официальных средствах массовой информации задач и хода самой подписки. Передовые рабочие предприятий должны были собственным примером показать важность государственных займов, т.е. открыто призывали к участию в подписке. В Астрахани столяр К... агитировал: «Если я не помогу, другой не поможет, так, кто же поможет нашей стройке?» [14].

Если ход подписки проходил неудовлетворительно, а запланированная реализация облигаций не выполнялась, то официальные причины срыва кампании так же освещались в прессе и разбирались на общих собраниях. В Астрахани рабочий Д... выступил со следующим критическим замечанием: «В судоподъемном цехе собраний не было. К нам в цех не приходили. Многие рабочие не знают о займе». С ним соглашался кузнец В...: «В кузнице собраний не было. Никто к нам не приходил и не сообщал, а выпустить новый заем, безусловно, надо!» [14]. Однако на фоне углубляющегося социального кризиса в первой половине 1930-х гг. большинство горожан первоочередной задачей считали элементарное выживание в условиях голода, решение насущных повседневных проблем, а не будущее развитие индустрии.

Некоторые пролетарии открыто отказывались от подписки, мотивируя свое поведение разными причинами. Слесарь завода им. К. Маркса в Астрахани не подписался на заем в связи с тем, что «...нигде нет правды, ни одно постановление рабочих не проводится в жизнь, а поэтому приходится от подписки отказаться». Рабочий завода им. Сталина мотивировал свой отказ следующим экспрессивным тезисом: «Вы, товарищи думаете, что эти деньги на строительство идут, поймите, на нашу трудовую копейку живут только б...и – коммунисты, а вы, дураки, верите их басням! Я сам подписываться не буду, и дурак кто будет!» [6, л. 242, 244].

В Вольске плотник одного из предприятий возмущался: «Я оппортунист, мы на заем подписываемся не первый раз, а спросить, что он нам дал? Поддержку государство нам мало оказывает, пайка мало, в столовых кормят помоями» [2, л. 630].

Рабочие завода им. Сталина в Астрахани выступали против проведения индустриализации в условиях голода. Достижения в развитии промышленности им были не интересны, и даже раздражали. На первое место они ставили решение повседневных проблем, поэтому их высказывания носили противоречивый характер. Плотник считал, что «...займам конца не будет, надоели нам слова агитаторов всякий раз слушать. Вот говорят, что у нас все растет гигантскими шагами, а посмотришь кругом один провал. Камышинскую гидростанцию нам рабочим не надо, свет нам не нужен, орошение тоже. Настроили гигантов, а люди подыхают. Хлеба убавили, а на заем говорят, гони трехнедельный заработок. Мы правительству даем, а наши деньги на стройки не идут. Вот на основании чего я решил от подписки отказаться, да и весь плотничий цех от подписки отказался».

С ним соглашался возчик утильсырья: «Все навязываются с займом и заставляют подписываться. Но теперь довольно, этим займам конца не будет и они не под силу рабочим. Говорят, Камышинская станция будет освещать города и села, но она нам не нужна. Раньше мы жили без станций и не сидели голодными. Подписываются на заем только дураки. Я решил на заем не подписываться, пусть хоть расстреляют» [6, л. 241].

Процесс реализации государственных облигаций вызывал недоверия у населения в связи с тем, что был обусловлен частыми изменениями условий выплат полагавшихся процентов и выигрышей. Уже в конце 1920-х гг. государственная власть понимала, что нужно сделать так, чтобы держатели не бросились гасить облигации сразу после истечения срока их действия. В этом случае государство вновь осталось бы без денег. Поэтому 22 февраля 1930 г. вышло постановление, запрещавшее любые операции с государственными бумагами без разрешения специальных комитетов содействия реализации займов (комсодов) [11].

Часть своих долгов перед держателями облигаций государство списало уже тогда – с учетом огосударствления экономики правительство опубликовало решение о ликвидации резервных капиталов трестов, и запрете государственным учреждениям, акционерным обществам и кооперативным предприятиям иметь облигации займов. Чтобы частично списать долг перед гражданами, в 1930–1941 гг. была проведена унификация всех облигаций. С 1936 г. срок всех займов теперь составлял 20 лет, погашение было отложено на срок до 19 лет, а доходность была снижена до 3–4 % годовых (ранее население приобретало эти облигации как восьмипроцентные) [11].

Горожане, которым посчастливилось стать владельцами выигрышной облигации, не могли в полной мере получить свой приз. В Астрахани в июле 1931 г. по второму тиражу займа «пяtilетка в четыре года» выигрыш выпал рабочему заводу им. Ленина. Однако счастливец так и не распорядился своими деньгами. Из 5 тыс. руб. на семейные нужды ему было выделено только 1100 руб., 500 руб. отошли в распоряжение заводских общественных организаций, остальные деньги рабочий вновь «отдал займы государству на социалистическое строительство» [12, с. 33].

Все же, несмотря на тяжелые материально-бытовые условия и недоверие к итогам подписки, большинство трудящихся участвовало в этих кампаниях. Многочисленные факты свидетельствуют, что горожане часто были вынуждены приобретать облигации в принудительном порядке.

В 1929 г. в Астрахани делопроизводителю Е... одной из партийных организаций был «вынесен строгий выговор за отказ на подпись третьего займа индустриализации». Рабочего Астполиграфпрома обвинили «в поддержке настроений в выступлении отдельных отсталых рабочих по вопросам займа индустриализации, а так же в голосовании против решений, принятых ячейкой». В итоге партийная ячейка Астполиграфпрома приняла решение: «исключить из рядов ВКП(б)» [5, л. 1, 8].

Стоит отметить, что при рассмотрении дел отказников анализировались их высказывания в ходе подписки, которым давалась соответствующая оценка. В 1931 г. в Астрахани в школе ФЗУ № 3 на общем собрании рассматривалось дело двух преподавателей, которые отказались подписаться на очередной заем. При этом они критически высказались в адрес правительства, и подвергали сомнению материалы официальной прессы.

Основной докладчик выступил с критикой в адрес преподавателей и фактически определил их как вредителей. В прениях один выступающий особо отмечал, что «ту ложь, которую эти товарищи проявили, говоря, что советская печать врет и обманывает рабочих, оправдывает их как вредителей». Другой преподаватель школы соглашался с ним: «Там где проводится подготовка, такие поступки недопустимы, клеветать на задачи, которое поставило правительство недопустимо».

В конце собрания докладчик подвел итог: «У нас нельзя допускать двух лагерей. Обсуждаемые товарищи стоят в стороне от нашего дела. Им нет места не только в нашем коллективе, но и в других». В итоге собрание приняло следующее постановление: «Исключить из профсоюза, выступить с ходатайством перед администрацией об увольнении с работы» [1, л. 513].

В первой половине 1930-х гг. информаторы фиксировали различные высказывания трудящихся, которые характеризовали так называемый «добровольный» характер хода подписных кампаний. В Астрахани учетчик на заводе им. К. Маркса говорил: «Сволочи, так эксплуатируют, да еще и заставляю насильно подписываться. Заем в конторе прошел только потому, что заранее на всех разложили. И если бы не последствие я бы не подписался». Телефонистка этого предприятия с ним соглашалась: «Все равно заставят подписываться, ни сегодня так завтра» [1, л. 513].

Котельщик завода им. К. Маркса в Астрахани в разговоре с коллегами возмущался: «Когда это Сталин надумает не выпускать эти займы, последнее отбирают у рабочих, не подпишешься, то будет не хорошо, а сколько могу дать нельзя, и это называется добровольно». Надзиратель Астраханского судового надзора в разговоре с товарищем сожалел: «Новый заем нам не под силу, а подписываться надо при добровольно-принудительных началах» [7, л. 36].

В Вольске плотник недоумевал: «В газетах как-то писали, что нет принудиловки, а зачем же принимать собранием, что мы обязуемся подписаться все. Кто сколько может – пусть так и подпишется» [2, л. 447]. Таким образом, большинство горожан боялись различных наказаний за отказ участия в подписной кампании. К тому же решение о размере подписных сумм часто принималось без детального обсуждения и учета мнения многих рабочих, деньги списывались в принудительном порядке при получении заработка.

Во второй половине 1930-х гг. материальный уровень жизни горожан несколько повысился, и государство продолжало активно проводить подписные кампании. В 1937 г. в стране провели государственный внутренний заем укрепления обороны СССР на сумму 4 млрд руб. сроком на 20 лет. В 1938 г. для общих нужд был учрежден государственный внутренний заем на суму 600 млн руб., так же сроком на 20 лет. В том же 1938 г. был проведен еще один государственный заем третьей пятилетки (выпуск 1-го года) на сумму 5 млрд руб., а в 1939 г. выпустили заем второго года третьей пятилетки на сумму 6 млрд руб. [13].

Распространение облигаций государственного займа как всегда сопровождалось различными агитационными мероприятиями, митингами, которые давали некоторые положительные результаты. В Астрахани на барже «Медяна» жена открыто пристыдила мужа, за то, что он подписался на небольшую сумму, словами: «Что касается моего мужа, то если он подписывается на 50 руб., то ему не давайте портить бланк», а потом обратилась к нему: «Как тебе не стыдно?!». После публичного порицания муж увеличил сумму подписки. Матрос баржи «Калина» сообщил в профсоюзный комитет, что когда он подписался на 90 руб., то помощник шкипера и его жена заявили: «Зачем подписываешься, у, какой богач нашелся» [8, л. 70, 73].

Различные случаи отказа от подписки или призыва к нему продолжали разбираться на собраниях, иногда закрытых. Так, в Астрахани в 1937 г. на заводе им. X Октября на закрытом партсобрании разбиралось дело плотника С..., суть которого сводилось к тому, что он отказался подписаться на очередной заем в фонд Государственной обороны. В конце собрания С... испугался исключения из членов ВКП(б), дальнейшего порицания и преследования, публично раскаялся, попросил подписать его на заем. Однако его не простили и публично осудили.

Приведем примеры высказываний участников собрания. Один выступающий говорил: «Отказ С... на заем обороны есть нечто иное, как измена Родине. Мой сын сейчас находится в рядах РККА, и он прислал мне письмо, в котором пишет: "Папа подпиши за меня 50 рублей на заем для обороны. Пусть это еще раз послужит нашим ответом шпионам и диверсантам". А С... член партии и отказался от подписки, этим он предал интересы Родины!». Другой выступающий так же осуждал отказника: «С... в заключение сказал, что подпишется на заем, только бы оставили его в партии. Что это значит? Это двурушничество. Он своим заявлением хотел купить партийность. Нам не надо вашей подачки!». В конце собрания очередной трудящийся вообще выступил с разоблачением С...: «В прошлые выходные я ехал с С... на пароходе, и он рассказал мне как жил за границей. Он попал туда в плен во время империалистической войны. В рассказе у него проскользнуло, как он жалеет, что не остался там жить. Поэтому не случайно С... не подписался на заем обороны. В этом сказано его действительное лицо!» [3, л. 65–67]. К сожалению, в данном случае не известен итог разбирательства, но во второй половине 1930-х гг. дело плотника, в связи с открывшимися обстоятельствами, могло быть передано на проверку в вышестоящие партийные органы или в НКВД.

Несмотря на активную агитацию и репрессивные меры, ряд горожан открыто отказывались от подписки в конце 1930-х гг., а итог некоторых заемных кампаний признавался неудовлетворительным.

В отчетах информаторов, которые направлялись после проведения кампании в партийные органы и НКВД, помимо традиционных замечаний в адрес администрации и партийных структур организаций и предприятий, отмечались недостатки в агитации и пропаганде, фиксировались и анализировались другие причины отказа от подписки. В одном из политдонесений было сказано, что «шкипер баржи К... способствует распространению религиозной пропаганды, т.е. разрешил повесить в общестии матросов икону, а матрос этой баржи заявил: "Подпишусь только на 20 руб., больше не могу, так как голодный. Хлеба, сахара в Советской стране нет, до Советской власти я жил лучше". По сведениям матрос бывший раскулаченный».

«На теплоходе "Колхозник" матрос П... подписался на 25 руб. Когда стали с ним беседовать, выяснилось, что он приехал из Саратова, ранее отбывал 5 лет на ка-

нале Москва-Волга. Сгруппировал около себя отсталых матросов, в беседе с которыми сказал: "Коммунисты – это те же фашисты в Германии, а коммунистическая партия, такая же фашистская!". Рабочий портового крана заявил: "Нас осужденных в СССР – 95 %", ранее был осужден, сейчас враждебно относится к Советской власти, отказался подписываться совсем и т.д.» [3, л. 150–151].

Бракер Госшвейфабрики сказала, что «подписываться она не будет, так как ее обокрала Советская власть, и что живет она не в Советском Союзе, а в фашистском!». В артели «Бондарь» в ходе подписной кампании агитатор обличал отказников: «Кто не подписался на заем, тот помогает фашизму, и в случае войны, я этим товарищам доверять не могу». Тогда один из не подписавшихся ответил: «Если будет война – я тебя убью!» [4, л. 59]. В общем, информаторы основными отказниками считали «обиженных на власть» или политически неграмотных людей.

Многочисленные отчеты продолжали фиксировать неудовлетворительные результаты реализации государственных займов на различных предприятиях. В Астрахани на заводе им. К. Маркса партийное собрание, проходившее 26 июля 1937 г., после доклада на тему: «Заем укрепления обороны СССР», признало итог подписной кампании неудовлетворительным [9, л. 91].

В 1939 г. на общем собрании докладчик, отчитываясь об итогах реализации очередного займа на судовой верфи им. Кирова, резюмировал: «Я имею два списка, первый список – 23 человека, которые подписались полностью. Это патриоты нашей страны. Второй список иного порядка. Сколько говорили мы по второму списку, пользы никакой не добились. Так котельщики получают по 500–600 руб., а подписываются всего на 50–100 руб., старший мастер получает 650 руб., а подписал на 350 руб. Один рабочий при ходе подписки заявил, что "вы меня своим займом в гроб загоните". Ситуация с ходом подписки неудовлетворительная и тревожная, нужно усилить разъяснительную работу, так как один рабочий подписываясь на 450 руб. заявил: "Вы с меня последнюю рубашку хотите снять!" [10, л. 33, 35].

В ходе подписной кампании «Второго года третьей Сталинской пятилетки» по заводу им. X лет Октября из 1266 трудящихся подписалось 1163 человека, а сумма подписки составила 63 % от фонда заработной платы. На заводе им. К. Маркса сумма подписки от фонда заработной платы составила 66 %. В отчете отмечалось отрицательное поведение помощника бухгалтера Е... завода им. X лет Октября, который ушел с собрания, как только началась подписка [4, л. 150–151]. В ходе реализации «Третьего займа третьей Сталинской пятилетки» в Погрузконторе ВКТ грузчики при среднем заработке в 450 руб. подписались только на 200. Отмечаются другие случаи невыполнения планов подписки [4, л. 150–151].

Несмотря на патриотическую риторику агитаторов и контроль со стороны партийных организаций, горожане негативно относились к подписным кампаниям. Отказники были не только среди недовольных властью, но и в рядах комсомольцев, агитаторов, управленцев и простых горожан. В Астрахани в 1938 г. на хлебозаводе № 1 им. Горького кладовщик во время вывешивания агитационных плакатов в группе около шести человек говорил: «Пусть кому надо подписываются, а я не буду. Они собирают наши денежки и на них жиреют». Рабочий бондарного завода им. Дзержинского сказал: «Заем нам ничего не дает, я не стану подписываться, и вы не подписывайтесь» [4, л. 59, 65].

Комсомолец на заводе им. III Интернационала говорил: «Пусть дураки подписываются. А мне этот заем не нужен». Другой комсомолец упрекал агитаторов: «Вам делать нечего, вот вы и ходите» [8, л. 63–64]. В 1939 г. в Астрахани на заводе им. X лет Октября муж и жена Ф... активно агитировали трудящихся принять участие в кампании, писали статьи в стенгазеты, выступали на митингах, а на деле подписались только на 50 руб. [4, л. 150–151]. Начальник копильного цеха на заводе им. Крупской подписался всего на 100 руб., депутат Горсовета Н... подписался ниже двухнедельного заработка. Комсорг автобазы подделал в подписном листе свой заработок, уменьшив его с 550 до 350 руб., и подписался на последнюю сумму [4, л. 50, 54]. Впоследствии дела отказников рассматривались на собраниях, им выносились выговоры, и они подписывались на крупные суммы.

В исторических условиях 1930-х гг. постоянные государственные займы явились заметным подспорьем для власти в ходе осуществления форсированной индустриализации. Подписные кампании тяжелым бременем ложились на семейные бюджеты трудящихся.

Первоначально, горожане соглашались приобретать облигации, но количество подписных кампаний с каждым годом росло, увеличивались и подписные суммы, а уровень жизни трудящихся резко падал. Поэтому в большинстве своем население отрицательно относилось к государственным займам.

Официальная пропаганда часто представляла заемные кампании, как добровольную, при этом небескорыстную (призы и проценты), помощь граждан в деле развития индустрии, а в итоге в укреплении обороноспособности первого социалистического государства. В этом всенародном процессе на первое место выдвигалось сознательное принятие населением великого государственного строительства, а не личные материальные выгоды. Учитывая активное идеологическое образование и пропагандистские мероприятия 1930-х гг., ряд горожан искренне участвовали в государственных займах.

Для достаточной части населения декларируемая добровольность при реализации облигаций на деле оборачивалась «принудилкой», а открытый отказ от подписки грозил обвинением в политической неблагонадежности и предательстве государственных интересов с последующим наказанием. Поэтому у многих трудящихся первоначально основным мотивом в приобретении облигаций был страх.

В дальнейшем, частота проведения подписных кампаний, их принудительный характер способствовали формированию в сознании населения восприятие государственных займов, как обязательной повинности. Это в свою очередь вырабатывало определенную обреченность в оценке своего положения. Поэтому другим распространенным мотивом была неизбежность участия в приближающейся подписке.

Учитывая вышеперечисленные мотивы, основная часть горожан не стремилась к организованному и открытому выступлению против принудительных кампаний. На общих собраниях и митингах трудящиеся в основном выражали поддержку новым займам или отмалчивались, а на практике каждый гражданин старался под различными предлогами (прибегали к подлогу, затягивали принятие решения об окончательной сумме, не являлись на собрания и т.д.) минимизировать свое участие в подписке.

Можно предположить, что, смирившись со своим положением, а так же учитывая фактор идеологического воспитания, многие горожане добровольно принимали бы участие в реализации облигаций на небольшие суммы. Подписка же на месячный заработок воспринималась большинством трудящихся негативно, поэтому распространение облигаций среди населения постоянно проходило с трудом.

В общем, мнимая добровольность, невыполнение декларируемых условий, часто меняющиеся установки государственных кампаний, несмотря на их позитивные намерения, в будущем порождали у населения настороженность и недоверие по отношению к различным мероприятиям власти.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 1727. – Оп. 1. – Д. 1174.
2. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 16.
3. Государственный архив современной документации астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 282.
4. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 385.
5. ГАСД АО. – Ф. 12. – Оп. 1. – Д. 37.
6. ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 25.
7. ГАСД АО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 30.
8. ГАСД АО. – Ф. 796. – Оп. 1. – Д. 8.
9. ГАСД АО. – Ф. 2949. – Оп. 1. – Д. 5.
10. ГАСД АО. – Ф. 3379. – Оп. 1. – Д. 4.
11. Государственные облигации – кредитная история СССР. – Режим доступа: <http://www.credit-zone.ru/article/rubric/business>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.

12. И будет городу Форпост / сост. Т. Р. Каравацкая, Т. Н. Просянова. – М. – Астрахань : Пента, 1999.
13. Рябченко П. Ф. Денежные займы в нашей жизни / П. Ф. Рябченко. – Режим доступа: <http://www.bonistikaweb.ru/mirdeneg/zaimi-01.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ.
14. Соревнование. – 1932. – № 23.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ 1990–2000-х гг.: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

**Н.А. Григорьева
(Россия, Волгоград)**

В статье рассматриваются вопросы государственного регулирования отечественной системы гражданского образования. Особое внимание обращается на стратегию образовательной деятельности государства. Характеризуется динамика приоритетов государственной образовательной политики в историческом контексте.

The article studies questions of state regulation of the system of civic education in Russia. Special attention is devoted to a strategy of the state education activity. And the priorities of the state educational policy through the prism of historical context are characterized.

Ключевые слова: государственная политика, гражданское образование, школа.

Key words: state policy, civic education, school.

В 1990-х гг. становление новой российской государственности сопровождалось кардинальными изменениями в политической, экономической, социальной и духовной сферах общества. Система образования подверглась масштабной трансформации в соответствии с новыми ценностно-целевыми ориентирами. Создание эффективной образовательной модели – масштабная акция российского государства, определившего модернизацию образования в качестве одного из приоритетов государственной политики, фактора национальной безопасности и благосостояния страны. Государство заявило о своем возвращении в образование, готовности выступить гарантом качества образовательных программ и услуг.

В данном контексте понята роль гражданского образования. Она определяется необходимостью преодоления опасности накапливающегося отставания России от мировых тенденций экономического и общественного развития. Гражданское образование проявляет себя в социокультурной реальности как система правовых и политических информационных доминант. Оно является основой для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны.

В современном мире заметно увеличивается значение гражданского образования как важнейшего фактора формирования нового качества общества в целом. Его роль постоянно растет. Статус гражданского образования в обществе обусловлен наличием общенациональной образовательной политики, пользующейся широкой поддержкой общественности.

Применительно к российским реалиям государство традиционно обеспечивает необходимые условия для модернизации гражданского образования, определяя при этом векторность этого процесса.

В последнее десятилетие XX в. создавалась нормативно-правовая база, характеризующая основные приоритеты российской государственной политики в области гражданского образования.

Так, 29 ноября 1994 г. был подписан Указ Президента РФ № 2131 «Об изучении Конституции Российской Федерации в образовательных учреждениях», который декларировал целесообразность изучения Конституции Российской Федерации в образовательных учреждениях и необходимость включения ее основных положений в федеральные компоненты государственных образовательных стандартов основного общего образования. Кроме того, этот документ обозначил некоторые приоритеты государственной образовательной политики, как то: «формирование правовой культуры и гражданского воспитания личности» [5, с. 24].